

АВТОР «РОССИИ И ЕВРОПЫ»

Николай Яковлевич Данилевский родился 28 ноября 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии (ныне Измалковский район Липецкой области). Оберец был родовым именем его матери Дарьи Ивановны, урожденной Мишиной (1800 - 1852). Его отец - Яков Иванович Данилевский (1789 - 1856) закончил Московский университет, участвовал в Отечественной войне 1812 года. Молодым офицером он был участником заграничного похода в составе гусарского полка, получил ранение в "битве народов" под Лейпцигом в 1813 году. На момент рождения Николая отец по-прежнему был военным (впоследствии дослужился до чина кавалерийского генерала) и служил в городе Ливны.

Так как отец часто менял места службы, дети Николай, Александр и Елена странствовали вместе с родителями. Я.И.Данилевский, увлеченный со студенческих лет наукой и литературой, способствовал развитию в сыне склонностей к научному поиску. Николай был учеником частных пансионов в Москве, в Дерпте, в пятнадцать лет владел английским, французским, немецким языками и латынью. С 1837 года учился в Царскосельском лицее. При Данилевском в лицее преподавали Шульгин, Георгиевский, Чириков, Калинич, Эбергард, помнившие юного Пушкина и делившие своими воспоминаниями о нем с новыми поколениями лицеистов.

К сожалению, это было уже совсем не то учебное заведение, которое хорошо известно всем нам по ученической поре А.С.Пушкина. Уже не было лицейского братства, свободлюбивых идей. В николаевскую эпоху лицей обрел куда более консервативные черты. Поступивший сюда двумя годами позже Данилевского знаменитый русский писатель М.Е.Салтыков-Щедрин вспоминал: "В то время, и в особенности в нашем "заведении" вкус к мышлению был вещью очень мало поощряемою. Высказывать его можно было только втихомолку и под

страхом более или менее чувствительных наказаний". По словам Салтыкова-Щедрина, все лицейское воспитание было направлено только к одной цели - "приготовить чиновника".

Так и случилось: окончив лицей в декабре 1842 года, Николай Данилевский поступил на службу в канцелярию военного министерства. Церемония XII выпуска лицеистов (пушкинский был первым по счету) состоялась 31 января 1843 года. Это был последний выпуск Царскосельского лицея (всего за несколько десятилетий было выпущено 286 человек), уже в ноябре учебное заведение переименовали в Александровский лицей и перевели непосредственно в Петербург. Данилевский мечтал учиться дальше. Тогда же он определился вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

Университетские годы для Николая Данилевского стали временем искренней дружбы с Петром Семеновым (будущим знаменитым географом и путешественником П.П.Семеновым-Тян-Шанским) - юным самоучкой, приехавшим в Петербург из рязанской глуши. Близорукий и угловатый Петр, несмотря на отсутствие систематического начального образования, блестяще поступил в школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Он учился здесь не из-за любви к военному делу, а из-за того, что некому было оплатить его обучение в обычной гимназии. Любимым занятием Петра было наведываться по воскресеньям к старшему брату Николаю - однокашнику Николая Данилевского по лицей, а затем по университету. Оба Николая, став студентами, жили в одной комнате на Васильевском острове. Вскоре перебрался к ним и Петр, окончивший в 1845 году военную школу. Он, как и Данилевский, начал ходить вольнослушателем на университетские лекции.

Данилевский получил степень кандидата в 1847 году, Петр Семенов, необычайно быстро освоивший курс наук, - уже в 1848. В ознаменование окончания университета молодые естествоиспытатели решили совершить

многодневную экскурсию: пройти пешком от Петербурга до Москвы. Вот как вспоминал об этой затее в своих мемуарах П.П.Семенов-Тянь-Шанский:

"Для облегчения своего путешествия мы наняли троечника, т.е. перевозчика тяжелых кладей, который вез их от Петербурга до Москвы в течение 18-20 дней; кладь эта состояла из длинных железных полос, положенных на три оси с колесами, а между двумя задними осями был помещен кузов с рогожным верхом, в который и были помещены наши чемоданы.

Мы шли в течение каждого дня исключительно пешком, уклоняясь и в сторону от шоссе, но непременно приходили на ночлег к своему троечнику в установленный пункт, чтобы ночевать с нашими вещами в одном месте. Наше путешествие не обошлось без некоторых приключений. В том году свирепствовала как в Петербурге, так и на многих пунктах нашего пути сильная холера; бывали случаи, что люди, шедшие с нами, умирали на дороге. Дойдя до Волхова, мы с особой любознательностью пошли на экскурсию вдоль его берега. Возвращаясь с нее и подходя к селению, мы увидели шедшую нам навстречу многочисленную толпу народа, вооружившегося чем попало. Это выступление было направлено против нас, так как нас приняли, как оказалось, за "подсыпателей холеры". Во главе толпы шли люди, очевидно, принадлежавшие к духовенству; только священника между ними не было. Начались вопросы: почему и с какой целью мы пришли? Особенно подозрительно смотрели они на ботаническую капсульку зеленого цвета, которую Данилевский носил на ремне, и на бывший у меня в руках геологический молоток. Мы объяснили толпе причины нашего хождения вдоль реки тем, что мы собираем травы, тут растущие, а также откалываем образцы камней, из которых состоят береговые обрывы, и что мы имеем паспорта. Причетник или диакон, шедший во главе толпы, заявил, что он знает о том, что растения описываются в науке, которая называется ботаникою, но что все-таки нам незачем было ходить у них по берегу реки, потому что травы растут на всем свете одинаковые. Толпа начала волноваться, и я видел, что от продолжения объяснений с нею мы ничего не выиграем. К счастью, я вспомнил,

что у меня в кармане случайно был номер полицейской газеты, только что вышедший накануне нашего выхода из Петербурга; в этом номере описывался случай, как в Петербурге толпа разнесла аптеку, и объявлялось, при надлежащем разъяснении, строгое Высочайшее повеление о том, что если подобные случаи повторятся, то виновные будут подлежать самому строгому взысканию. Я вынул газету из кармана, крикнул: "шапки долой, слушайте царское повеление", - и громко и внятно прочитал им все сообщение. Местный холерный бунт был усмирен, и мы поторопились уйти своей дорогой на ночлег, находившийся впереди.

На дальнейшем пути мы экскурсировали уже с большей осторожностью, но все-таки успешно преследовали свои цели и добрались до Москвы на двадцатый день".

Столь рискованные путешествия не были прихотью Данилевского и Семенова. Магистранты (говоря современным языком, аспиранты), познавая глубинную Россию, настойчиво собирали материал для своих диссертаций. И темы работ оказались похожи, как близнецы. Семенов исследовал Тамбовскую, Воронежскую и другие губернии, на этой основе написал и защитил диссертацию "Придонская флора". Данилевский, по поручению Вольного экономического общества, занимался изучением границ чернозема в средней полосе России и флоры этих районов. Он написал диссертацию "Орловская флора". Судьба рукописи до сих пор неясна, однако Данилевский остался в истории Орловского края как один из первых исследователей местной флоры. В 1840-е и 1850-е годы он подолгу гостил в селе Русский Брод (Лаврово) Ливенского уезда (ныне Верховский район Орловской области) у своих друзей Лавровых, занимаясь здесь ботаническими и геологическими изысканиями.

В 1848 году "Отечественные записки" опубликовали три критические статьи Николая Данилевского о только что вышедшей в русском переводе фундаментальной работе немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта "Космос". Причиной перерыва в научной работе стала причастность Данилевского

к кружку Михаила Буташевича-Петрашевского, где с 1845 года устраивались регулярные встречи по пятницам. Данилевский был знаком с Петрашевским еще по лицу - основатель кружка входил в число выпускников 1839 года. На пятничных вечерах можно было встретить Ф.М.Достоевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Д.В.Григоровича, А.Н.Плещеева. Данилевский обычно приходил вместе с Петром Семеновым. По воспоминаниям Салтыкова-Щедрина, этот кружок "инстинктивно прилепился к Франции... Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Занда. Оттуда лилась на нас вера в человечество, отсюда воссияла нам уверенность, что "золотой век" находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное - все шло оттуда".

Истоки объединения молодежи вокруг Петрашевского коренятся, конечно же, в тех процессах, которые начались в России еще в период Александра I. Последние годы правления носили отпечаток глубокого душевного разлада: от нерешаемых проблем России царь спасался на европейских конгрессах, где монархи и дипломаты льстиво прославляли его как просвещенного и либерального правителя. Восстание декабристов дало мощный толчок духовному развитию российского общества и одновременно затормозило эволюцию российского государства, потому что Николай I отдалил от власти ту часть дворянской верхушки, которая стремилась к каким-либо переменам в российской жизни и укладе Российского государства.

Славянофилы выступали за принципиально отличный от западно-европейского путь России на основе ее самобытности (патриархальность, консерватизм, православие). Славянофилы идеализировали общественный строй Древней Руси, крестьянскую общину, развивали религиозно-идеалистическую философию. Примечательно, что видными деятелями славянофильского движения были тесно связанный с Орловщиной Петр Киреевский, его брат Иван Киреевский. В число наиболее видных представителей входили также братья Иван и Константин Аксаковы, А.И.Кошелев, Ю.Ф.Самарин, А.С.Хомяков.

В те годы со своей знаменитой формулой "Православие, самодержавие, народность" символом реакции был министр народного просвещения в 1833 - 1849 гг. граф С.С.Уваров (1786 - 1855). По существу, эта формула была запоздалым ответом России на лозунг Французской революции "Свобода, равенство, братство".

Западники, напротив, выступали за развитие России по европейскому пути, разрушительной критике подвергали самодержавие и крепостной строй, теорию официальной народности. Главными представителями "западничества" в России были П.В.Анненков, В.П.Боткин, К.Д.Кавелин, М.Н.Катков, П.Я.Чаадаев, орловские уроженцы Т.Н.Грановский и И.С.Тургенев.

Бурные события 1848 года вызвали не менее бурную, чем в Европе, реакцию в среде нарождавшейся русской интеллигенции, которая была переполнена не находящими выхода преобразовательными идеями. Уже давала свои плоды пропаганда, которую методично вел В.Г.Белинский со страниц пользовавшихся необыкновенной популярностью журналов. Количество молодежных кружков в Петербурге, а также в Москве и провинциальных городах стремительно росло. В умах молодых философов носилась масса разнообразных идей и идеек. Характерно, что в кружке Петрашевского активно обсуждали разнообразные общественные и политические темы: крестьянский вопрос, судеустройство, свобода печати, - словом, всё то, что предвосхищало проблематику реформ 1860-х годов. Здесь читали запрещенные книги, увлекались новинками западной литературы, теориями Сен-Симона, Леру, Ламэнэ, Луи Блана, Кабэ. Особенно чтим был Шарль Фурье (Петрашевский иногда называл себя фурьеристом). Можно предположить, что и Николай Данилевский имел высокий авторитет в кругу петрашевцев - ведь именно он читал здесь лекции об учении Фурье. Чем же так привлек внимание ливенского уроженца французский утопист?

Увы, петрашевцам не довелось воочию убедиться в правильности учения своего кумира Фурье. За происходящим в "противуправительственном обществе" уже давно пристально следило Третье отделение... В конце апреля 1849 года

произошла серия арестов. В частности, Николай Данилевский в это время находился на научной практике в Тульской губернии, на Красивой Мече, где был арестован и доставлен в Петербург. Три месяца ему предстояло провести в Петропавловской крепости. На удивление, талантливый молодой лектор Данилевский сумел убедить следственную комиссию в том, что его увлечение системой Фурье носило чисто экономический, но никак не политический характер. Это в самом деле удивительно, так как Фурье однозначно указывал: "Вопросы социальной политики всегда будут неразрешимы, пока будет желание умозрительничать по поводу строя цивилизации".

Действительно, нельзя было проповедывать учение Фурье и одновременно мириться с существующим строем. Однако Данилевский нашел такое объяснение, которое в итоге в значительной степени смягчило тяжесть его наказания. Более того комиссия оправдала Данилевского, избрав в качестве меры лишь ссылку в Вологду. А по решению военного суда двадцать один "злоумышленник" из кружка Петрашевского был приговорен к расстрелу, но 22 декабря 1849 года, уже на эшафоте, после того, как были проделаны все соответствующие приготовления, казнь была заменена более "мягким" наказанием: каторжными работами, ссылкой в Сибирь и разжалованием в солдаты.

Данилевский в Вологде служил чиновником особых поручений при губернаторе, изучал местную природу, написал ряд научных трудов, в том числе о климате Вологодской губернии. Этот труд был отмечен премией Русского географического общества. Награда обнадеживала. Постепенно Данилевский понимал, что ссылка (а в те годы чаша сия не миновала многих и многих) открыла новую страницу в его жизни.

Из Вологды в ноябре 1851 года Данилевский написал письмо Николаю I о своей вине, о раскаянии, о твердой решимости " всю остальную жизнь загладить ее перед Богом, Царем и совестью". Он просил царя разрешить навестить больную мать, " доставить ей последнюю радость в жизни и получить ее, может быть, предсмертное благословение, и уверив ее в искренность возвращения к чувствам

Христианина и верноподданого, услышать это прощение из уст умирающей матери"...

В 1853 году Данилевский был переведен в Самару в канцелярию губернатора на должность переводчика. Но рутинная канцелярская работа не обременила 30-летнего пытливого исследователя. Он сразу же был командирован в экспедицию, которая затем сменилась еще одной, третьей и т.д. Ученые под началом натуралиста академика Карла Максимовича (Карла-Эрнеста) Бэра вели масштабные исследования рыбных и звериных промыслов в морях европейской части России. Экспедиции избороздили северные моря, Псковское и Чудское озера, Черноморье и Азов, Каспий.

Это были годы Крымской войны, когда прекратился импорт голландской сельди. Идеи использования некоторых видов промысловых рыб (в частности, астраханской сельди) не только для получения жира, но и для засола, а затем питания населения, имели важное значение для решения продовольственного вопроса в России.

Многолетними трудами экспедиций был собран материал, который стал основой для разработки российского законодательства о рыболовстве. Работы Данилевского были отмечены золотой медалью Русского географического общества. Когда в 1857 году Данилевский был причислен к департаменту сельского хозяйства, начались его экспедиции на Белое море и Северный Ледовитый океан...

Поражение в Крымской войне потрясло Российскую империю. Это столкновение с Европой сыграло роль звонка, означавшего, что Россия отстала от остального мира. Данилевскому впору было предъявить счет прежней власти, которая переломала судьбы его сверстникам-петрашевцам. Впрочем, теперь Данилевский уже вряд ли вошел бы в состав прежнего интеллигентского кружка. Альфа и омега массы русских вольнодумцев - стремление обличать свое правительство, каким бы оно ни было, ничего при этом не производя, кроме пустопорожней болтовни. Эта стихийная говорильня безобидна только на первый

взгляд, ведь ее логическое продолжение - ненависть, оскорбление тех, кто наивно называет себя верноподданным, террор революционеров-бомбистов. И далее - братоубийство и разруха...

Немало повидавший и переживший Данилевский думал уже не о себе, не о прежнем кружке пылких юношей, и даже не о своем поколении, которое готово было принять определение "потерянное". Детально изучив биологические проблемы, Данилевский всё больше задумывался над закономерностями социально-экономического развития, всё заметнее становился сдвиг в сторону проблем социально-политических. После "мрачного семилетия" (1848 - 1855) Российская империя входило в полосу неизведанных прежде великих реформ...

Завершив многолетние путешествия, в 1864 году Данилевский поселился с семьей на южном берегу Крыма, купил небольшое имение Мшатка у Фороса. Это были развалины особняка, сожженного в Крымскую войну, - зримое свидетельство грозных испытаний, с которыми столкнулась Россия. Руины Мшатки будто напоминали о шаткости послевоенного европейского устройства (или уже довоенного?), предвещали грандиозную бурю в самом недалеком будущем...

Данилевский не только восстановил дом, но и как опытный биолог превратил свой участок в замечательный сад. Здесь бывали И.С.Аксаков, Л.Н.Толстой, другие известные люди. В Крыму Данилевский одно время был директором знаменитого Никитского ботанического сада, основанного выдающимся ученым ботаником академиком Х.Х.Стевенем.

Как уже упоминалось, в Мшатке Данилевский поселился в 1864 году, а уже со следующего года начал работу над книгой "Россия и Европа. Взгляд на культурно-историческое отношение Славянского мира к Германско-романскому". Четыре года спустя глава за главой она стала публиковаться в журнале "Заря". Уже сами названия глав не могли не вызвать интереса читателей, ведь речь шла о давних проблемах взаимоотношений России и остального мира. Стоит перечислить только заголовки ("Почему Европа враждебна России?", "Гниет ли

Запад?", "Различия в психическом строе", "Европейничанье - болезнь русской жизни"), и станет понятно, какой резонанс вызвали поставленные Данилевским вопросы.

Он начал свою книгу с обыденного, казалось бы, факта: "Летом 1866 года совершилось событие огромной исторической важности. Германия, раздробленная в течение столетий, начала сплачиваться под руководством гениального прусского министра (Бисмарка. - А.К.), в одно сильное целое". Этот посыл был призван настроить читающую публику на самый серьезный лад, продемонстрировать крайнюю актуальность поднятой проблемы.

Данилевский заставлял читателя-обывателя задуматься, чтобы вырваться из плена обыденных стереотипов и представлений. Почему, например, Европа почти ничего не знает о современной России? Автор откровенно отвечал на этот вопрос:

"В моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России. Наша пресса молчит, или, по крайней мере, до недавнего времени молчала, а враги на нас клеветают. Где же бедной Европе узнать истину? Она отуманена, сбита с толку... Почему же Европа, которая все знает от санскритского языка до ирокезских наречий, от законов движения сложных систем звезд до строения микроскопических организмов, не знает одной только России?.. Смешны эти оправдания мудрой, как змий, Европы - ее незнанием, наивностью и легковерием, точно будто об институтке дело идет. Европа не знает, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет... Смешны эти ухаживания за иностранцами с целью показать им Русь лицом, а через их посредство просветить и заставить прозреть заблуждающееся и ослепленное общественное мнение Европы... Нечего снимать бельмо тому, кто имеет очи и не видит; нечего лечить от глухоты того, кто имеет уши и не слышит. Просвещение общественного мнения... может быть очень полезно... но только не для Европы, а для самих нас, русских, которые даже на самих себя привыкли смотреть чужими глазами, для наших единомышленников. Для Европы это будет

напрасный труд: она и сама без нашей помощи узнает, что захочет, и если захочет узнать".

Для тех, кто был все-таки не согласен с авторской трактовкой отношения остального мира к России, Данилевский прибегает к своеобразной аргументации:

"Прочтите отзывы путешественников о России, пользующихся очень большою популярностью за границей, вы увидите симпатию... к кому угодно, только не к русскому народу... Прочтите статьи о России в европейских газетах, в которых выражаются мнения и страсти просвещенной части публики, наконец, проследите отношение европейских правительств к России. Вы увидите, что во всех этих разнообразных сферах господствует один и тот же дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения".

Надо принять логику того, что Данилевский делает здесь горькое признание существующих фактов, признание, которое было бы не под силу иному исследователю или публицисту. Данилевский был убежден, что не существует единой нити общественного прогресса, и не чуждался самых резких оценок происходящего:

"Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... Материалом, который можно формировать и обделывать по образу и подобию своему... Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, - которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, - которое имеет и силу, и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно, - чтобы не сказать невозможно - перенести это. Итак, во что бы то ни стало... надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись,

пустить корни и ветви вглубь и вширь... Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости... Как позволить распространиться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира... Вот единственное удовлетворительное объяснение той двойственной меры и весов, которыми отмеривает и отвешивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах) - и когда оно идет о других странах и народах".

Автор "России и Европы" был далек от огульного охаивания всего западного, более того, он допускал возможность того, что в будущем враждебность Европы к независимому самобытному славянству прекратится, но это произойдет не раньше, чем она убедится в неодолимости появившейся на Востоке новой миродержавной силы - Всеславянского союза. По мысли Данилевского, Всеславянский союз необходим как гарант сохранения всемирного равновесия. Предрекая России возможные риски и опасности, он с оптимизмом смотрел в будущее:

"Будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одною из великих европейских держав, - Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности. Вот выгоды, польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России".

Первое отдельное издание книги "Россия и Европа" вышло в 1871 году, второе (ошибочно указано "третье") в 1888, третье (ошибочно "четвертое") - в 1889. Ее автора в первых же откликах начали огульно обвинять в том, что он "оправдывает самодержавный шовинизм и политику национальной вражды". Данилевского получил ярлык пророка "роковой смертельной борьбы России со всем западом, т.е. со всем образованным миром".

В 1879 году Данилевский начал писать книгу "Дарвинизм. Критическое исследование" (два объемистых тома были изданы в 1885 и 1890 гг., позднее не

переиздавались). "Я принадлежу к числу самых решительных противников дарвинова учения, считаю его вполне ложным" - писал он. Данилевский называл дарвинизм целиком искусственной теорией, главная цель которой - противодействие религии.

К "Дарвинизму" специалисты-естествоиспытатели отнеслись отрицательно, одним из наиболее яростных критиков был знаменитый биолог К.А.Тимирязев. Академик А.П.Карпинский, будущий первый президент Академии наук СССР, разбиравший палеонтологическую часть "Дарвинизма", подытожил: "В авторе можно признать человека выдающегося ума и весьма разнообразных и значительных знаний; но в области геологии сведения его, нередко обнимающие даже детали, не лишены и крупных пробелов. Без сомнения, это обстоятельство, а также предвзятое, утвердившееся уже до рассмотрения вопроса с геологической стороны, убеждение в несправедливости теории эволюции было причиной, что Данилевский пришел к выводам, с которыми нельзя согласиться".

В итоге "Дарвинизм", представленный в Академию наук для соискания премии, так и не был ее удостоен.

Еще одним предметом занятий Данилевского стал "Опыт областного великорусского словаря". Данилевский также оставил ощутимый след в истории отечественной биологии и географии, климатологии, статистики, политической экономики, статистики, написал несколько статей о русской географической терминологии.

Умер Николай Яковлевич Данилевский от болезни сердца 7 ноября 1885 года на озере Гохчу по дороге в Тифлис, где был в командировке. Ушел из жизни незначительный человек, в кругу друзей и знакомцев которого были В.Г.Белинский, М.В.Петрашевский, К.М.Бэр, П.П.Семенов-Тянь-Шанский, В.И.Ламанский (академик, автор работ по истории славянской филологии и этнографии), А.Н.Майков, И.С.Аксаков, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, Н.Н.Страхов (первый биограф Ф.М.Достоевского). Коротко и сердечно сказал о своем истинном друге

Н.Н.Страхов в июне 1886 года: "Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная".

Похоронен Н.Я.Данилевский в Мшатке в Крыму. Его сторонники, немало способствовавшие внешнему успеху книги "Россия и Европа", практически ничего не сделали для внутреннего развития и разработки исторических взглядов своего кумира. С 1895 по 1991 год произведения Данилевского в России не переиздавались.

Разработанная Данилевским теория культурно-исторических типов (цивилизаций) опередила на десятилетия аналогичные концепции О.Шпенглера и А.Тойнби, которые оказали значительное влияние на развитие западной социологии. Ведь именно Данилевский за полвека до О.Шпенглера ("Закат Европы") предсказал глубокий кризис европейской цивилизации.

В.В.Розанов в одной из своих статей 1918 год, назвав десяток фамилий деятелей славянофильского направления, в том числе и Данилевского, восклицал:

"Были и праведники, вас исправляющие, вас предупреждавшие... Но они все были бессильны. Они звонили в колокольчики, когда в стране шумел набат. Никто их не услышал, никто на них не обратил внимания. Когда уже все крушилось, пирамида падала, царство падало, когда поднялась Цусима одного дня, о всех этих предупреждавших... даже не вспоминали, даже не назвали ни разу их имен".

Поразительно, но предостережения Данилевского действительно не были услышаны. После Октябрьской революции официальная наука высказывалась в его адрес скупой и крайне резко: "теоретик русского национализма" (Малая советская энциклопедия, 1929), "глава поздних славянофилов-"почвенников"... По политическим взглядам Данилевский - националист, апологет политики царизма" (Философская энциклопедия, 1960), "идеи Данилевского оправдывали великодержавно-шовинистические устремления царизма" (Большой энциклопедический словарь, 1980).

Предостережения Данилевского о недопустимости жертвовать народными интересами во имя абстрактных целей ложно понимаемого "прогресса", об опасности денационализации культуры и ныне звучат более чем актуально.